

18+ Юрий Бевзюк

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД НА РЫБАЛКУ

Юрий Бевзюк

Последний поход на рыбалку

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55732664

ISBN 9785449894922

Аннотация

...Меж младости силой – и старости малосилием... рубеж в сей книге сил физических: духовные – и до сих пор росли – мне марша в жизни не было драматичней... хотя их много в жизни было

Последний поход на рыбалку

Юрий Бевзюк

Дизайнер обложки Евгений Сазанов

© Юрий Бевзюк, 2020

© Евгений Сазанов, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-9492-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ноябрь 2004-го

К концу осени на дачах обезлюдело, а с годами способность выносить одиночество и даже находить удовольствие в уединении – поослабла. Пережиты все увлечения «третьего круга», с 46 лет; овощеводством, кролико-птицеводством, косьба стала не в «кайф», последние три года неуклонно угасал интерес и к саду. Вот уж не думал, насаждая его и доведя соток до 20-ти, что столько из-за него забот и тревог. С десяток всего деревьев более-менее взрослых, а с тонну было летом плодов, месяца полтора возиться с их реализацией пришлось, а когда в плодоношение войдут все полсотни?

Правда, год 2002-й был нетипичен и при моей жизни вряд ли повторится – по причине сухой и теплой весны у всех был урожай, кто и не опрыскивал никогда, а когда у меня урожай будет тоннами, то соседи и приезжие его уже не выберут, как в первые годы, когда сад еще подрастал. Вот что значит возделывать грамотно сад – не возрадуешься! Сад уже точно последнее занятие из многих, мною освоенных, которое не бросишь, так и придется тащить постылую торговле, необходимую, правда, но не мне, с уходом на пенсию, не нужны по-настоящему, то есть по минимуму, и деньги, тем более нет веры в их силу, вернее, есть полная убежденность в неизбежном, пусть кратковременном, их крушении, так сказать, в «мировом масштабе». Такая необходимость есть, слишком уж пали нравы, восстановить их могут лишь бедствия, – они и не замедлят воспоследовать. И тогда сад пригодится – для натурального обмена или на деньги по минимуму, лишь бы угнаться за инфляцией, как в начале 90-х. Все-таки правы были мудрецы прошлого, что лучшее, что дано человеку – возделывать свой сад. И прав быта позапрошлый летом бывший первый председатель кооператива Жуков – нужно мне искать садовника или лучше семью, которой сад можно отдать в аренду. Впрочем, младший брат Анатолий говорил это еще лет семь назад. Сам же я это понял, когда ощутил, что сил едва остается, чтобы выйти, пусть на седьмом десятке, на главное поприще – литературу – рассчитаться с обязательствами самому себе всей жизни: эго, кстати, только и позво-

лит выжить здесь, а больше мне и нигде. И – другим помогу: в духе известной восточной поговорки, что до 60-ти человек должен делать то и се, а после – делиться опытом пережитого.

Противоречивость жизни по-настоящему начинаешь понимать лишь к старости, когда сил преодолеть все меньше эти противоречия (иные из которых в молодости и зрелости совсем не ощущаются), – и возникают новые, среди которых главное – между телом слабеющим и разумом ясным. Оно преодолевается лишь усилием духа, а тут и он стал ослабевать... (Как оказалось, спустя меньше года – временно, но тогда мрак обступил меня)...

Еще сильнее стало противоречие, возникшее или, во всяком случае, осознанное сполна лишь прошлой осенью. Стал окончательно понятен смысл старого анекдота «...а мы и так видим», то есть «основной инстинкт» настолько ослаб, что, казалось, достаточно для удовлетворения одного лишь взгляда, что все городские старики имеют каждый день и бесплатно. Разум, правда, в тот же момент говорил, что в городском шуме и одной ночи не выспишься и на третьи сутки не нужны никакие удовлетворения – тоекратный опыт «квартирной» жизни в 20 лет, 32, 40 и окончательно в девятиэтажке на Бурачека в 44—46 лет говорил за то. А здесь, как-никак, тишина, главное, тепло, свет, сад-огород, природа, на юг и восток гористые дали, на запад и север вершинки, заросшие дубами в основном, кленом, липой, березой, бар-

хатом амурским. Облетела, правда, вся красота осенняя, без упоения бывалого воспринимается уже и она.

Какие-то странности в поведении появились, накопил вдруг лишних лекарств, года как три после 60-ти.

Всплыло вдруг ни с того ни с сего «метафизическое» противоречие конечности человеческого существования и бесконечности мира. Лет в 20 решил его, казалось, окончательно – что непреодолимо оно, никогда конечному человеческому разумению не постигнуть бесконечное: можно только углубиться в частности, но общего никогда не охватить. Как может возникающий и исчезающий человеческий ум постигнуть то, что было всегда, не возникало и не уничтожится? Ведь сразу вопрос «откуда?», «что было до?» Тогда, более 40-ка лет назад, я даже заподозрил, что возникающий где-то в самом низу температурной шкалы вселенной постигающий ее, отражающий, обладающий активностью разум есть последнее средство преодоления энтропии, «тепловой смерти» вселенной, ее возвращения к высоким температурам вновь ценою собственного существования. Одним словом, уже тогда я пришел к выводу, что природу ни постичь, ни обмануть, и хотя физика и математика, при способностях в юности к ним у меня, были кратчайшим путем к материальному преуспеянию и выгодному положению в обществе, – они уже развились в мире сверхдостаточно уже к тому времени, стали даже угрозой, и дабы отвести ее, надо, если чувствуешь в себе способности особые, – постигать происходящее

в обществе. *Независимо от конечных результатов будет хоть утешение, что занимался наинужнейшим.* И все равно перечитал 2—3 случившиеся здесь книжонки по космогонии, о природе времени, затем геологии, минералогии — что от человечества подалее. Но и до его происхождения, ранней истории — мало дающих объяснению нынешнего кризисного состояния — дошло дело. Перечитан, пересмотрел многие книги, журналы конца 80-х — начала 90-х, где, как говорится, ложка меда разбавлена если не бочкой, то добрым ведром дегтя, а события унеслись далеко вперед и уже приближаются к следующему витку, — решающему и разрешающему. Все чаще вспоминалось пожелание Твардовского уходящему в отпуск сотруднику: «Для спасения души — Сам больше пиши»... Но какой там, печь растопить, собакам корм сварить, себе, их накормить стало в тягость — сам же, наоборот, стал перекусывать при первом позыве голода и изрядно отяжелел. Всегда думал, что уж я никогда не буду, как отец на пенсии лежать на диване, но вот и сам валялся днями на лежанке, не в силах заставить себя заняться чем-либо. Гуляло, правда, давление и могли действовать депрессивно лекарства, но не в нем и не в них была причина: к депрессии у меня закал с самых ранних лет, жизнь была трудной почти с самого начала, с 7-ми, во всяком случае, лет...

Стало, наконец, совсем невмоготу. Мать нынче рано, с середины октября покинула меня (в начале сентября было 82), обычно в первых числах ноября ее окончательно увозили

в город на зиму. Подруга лишь три раза побывала за все лето по интимным причинам, запрещавшим частое общение, заводить подругу новую поздновато, и без того Женя на 12 лет моложе, куда уж... На ночь 65-тилетия, вечером посетила меня последняя женщина, на втором этаже переночевала... и решил я с этим «завязать»: уже namного утомление больше наслаждения... Словом, почувствовал я одиночество еще пуще прошлогодней осени, когда, собственно, явно ощутилась на 63-м году! – «достаточно одного лишь погляда». Что уж там до «разживы» быть бы живу: даже мимолетное общение с ближайшим соседом, Колей Рогальским, ужалось до предела с кражей в конце декабря прошлого года его пса, которому тот еженедельно, а зимой не менее раза в две-три недели привозил из города готовый корм, а я хотя далековато, за сто метров, ходил ежевечерне кормить. Теперь Коля пореже стал ездить, да он даже и старше меня на год, поздравее, может быть, но и у него убавилось прыти последние годы. И погода необычная: весной и в начале лета, продолжала удивлять и дальше, – лишила начисто приморской «золотой осени», мало того, темным и необычно ранними морозами выпал ноябрь. Зато рано стал Суйфун и вспомнил я о корюшке. Рыбалка эта подледная, которую смолоду презирал (по причине свехувлеченности ею стариков, сослуживцев по работе в парткоме Мортранспорта в 68-70-м годах, по принципу, так сказать, противоречия), – спасла меня, возможно, от депрессии в 84—85 годах, после переселе-

ния во вновь построенную девятиэтажку (кто испытал, тот знает что это за ад!), и затем зим, без года-двух, 20, – возмещала, частично мне здесь недостаток общения. В последние годы по мере автомобилизации населения все больше стало на льду молодежи, женщин и детей. Но все труднее стало попадать на лед: мне ведь еще до электрички в Кипарисово топтать 3 км, затем ехать остановку до 1-го Раздольного, а затем хорошо если рыба близко, то идти 15—20 минут, – а то все 40, или даже больше часа. Особенно тяжело стало возвращаться последние годы, подниматься на обратном пути на хребет от Кипарисово (утром- то вниз!), да если с уловом кг хотя бы 3—4, а если 7, то уже тяжело: ведь одна одежда и снаряжение тянут кг до 15-ти. Прошлый год рыбалку пришлось похерить из-за приступа почечнокаменной болезни, случившегося в самом начале декабря, а весной рыбы близко не было, да и обстановка тут, с кражей соседского пса, который как-никак защищал своим лаем мой правый фланг, если смотреть на юг, вниз от сопки, при каждодневном шараянии «металлистов», – не располагала к отлучкам.

И все же отказываться совсем от рыбалки, уступать старости, не хотелось, ради прогулок дальних, ходьбы необходимой, главное, общения с женским полом приглядно-поглядного, детьми, которых здесь уже не будет до весны, до самого мая. Да и корюшки захотелось, и собак подкормить, сделать по возможности запас.

Рыбалка вспомнилась в субботу 16 ноября, когда в чере-

де пасмурных морозных дней, необычных вообще-то для ноября, выдался, наконец, солнечный денек. Из ближних дачников пришел лишь бывший председатель дачного кооператива Валера, мой ровесник. Его легкий, маленький, с клопящейся крышей книзу по склону домишко («скворечник») метрах в ста слева и немного вниз от меня, на углу между вертикальной и горизонтальной дорогами. Он, как и сосед в тех же ста метрах справа и чуть только вниз (выше меня нет никого) Коля, прибит сюда в 90-м году, второй волной дачного бума 80-х, поднятой в конце мая того года тревожно-глупым, трусливым и потому роковым, разрушительным заявлением тогдашнего, последнего советского премьера Рыжкова «через две недели» повысить цены – вот тогда-то в июне 1990 г. все запоздавшие ринулись на остающиеся земельные участки! С Валерой, благо он на проходе в Таежку по дороге, я поначалу вроде бы даже приятельствовал, вступал в разговоры касательно мельтешивших тогда сумбурно-абсурдных, бурливых перемен. Собеседником он оказался не слишком приятным, упрекал меня в отсталости, хотя вся его эрудиция основывалась лишь на «желтой» периодике последних лет, той адской смеси «черного пиара», порнографии и мракобесия (астрология, магия и прочая мистика), словом, на том идеологическом пойле, которым пичкали нашу публику с началом так называемой «перестройки», на деле же обернувшейся совершенно невозможной попыткой реставрации капитализма (но истории этот бред, этот во-

пиющий обман широких масс у нас был, видимо, нужен для окончательной дезориентации верхов и вразумления масс – ну или отдельных активных личностей, активного слоя населения, – вразумление масс вряд ли возможно: – из всей этой чернухи Валера потреблял лишь первое, пиар, все наживки-приманки (как-никак окончил мединститут) будь то Жириновский, будь то Лебедь, хватал на лету. С избранием его председателем в «Гиппократе», дачном кооперативе медиков Фрунзенского района Владивостока, он клялся взыскать через суд, как и два его предшественника на посту председателя, с Жукова, первого председателя кооператива медиков, тогда еще не разделившегося на 4, якобы присвоенные при отсыпке гравия сверх мизерных нормативов, не изменявшихся аж с 30-х годов, деньги. И это уже когда разрушили Союз, разворовали на металлолом за границу целые военные флоты, причем самые верхи приняли участие в этом разграблении, вот уж поистине эпохальном! Затем Валера принял горячее участие в 3-й приватизации дачных участков, нужной лишь райземотдельским чиновникам – законодательством ведь любые, самые первые документы по отводу участков объявлялись действительными, в то время как все эти обмеры, пытался я вразумить его, незаконны, поскольку их должны сделать независимые службы за счет бюджета при составлении земельного кадастра (а закона по нему не было тогда и в намеке!) Тогда-то я, году в 95-м, почти перестал разговаривать с ним, норовил проскочить, даже не здорова-

ясь, мимо. Но окончательно перестал я с ним общаться, когда он как-то года 3—4 назад сказал мне, что на часть моего участка, именно по которой я пробил незапланированную, но необходимую мне для строительства дороги, нет заявления. Это ж надо было докапываться, ковыряться в бумажках! Опять же, по законам, тогда принятым Верховным Советом (и я был в числе инициаторов этого закона, о чем есть даже справка) вся обработанная гражданами земля, разумеется, в пределах разумной и принятой нормы, объявлялась в собственности даже без всяких документов! А у меня как-никак был уже план обмера той самой третьей приватизации, за те пять соток лишней земли исправно платилось, так что претензия председателя была, совершенно неосновательна, неразумна, *только завистью* можно было ее объяснить – у меня аж 30 соток (на себя, на мать, на брата), а у него всего 4. Так надо было чухаться раньше, а не в последний срок. Тут от Валеры пахнуло и таким замшелым «совковым» (хоть и не люблю это паршивое словечко, но что было, то было; немало душ загубили подобные завистливые Валеры) прошлым, отчего оно и сгнуло: это при наших-то просторах жаться на 5 соток! – что даже видеть его стало неважно. Стал его избегать, на дорогу выходил через огород нижнего соседа, мимо колодца, ниже Валеры. Правда, там был риск встретиться с другим Валерой, тоже нашим ровесником, мужиком теперь 63-х лет. С тем я долгое время был в отношениях приятельских, но вот тоже не могу ви-

деть года 3—4, с тех самых пор, как начались порубки деревьев в лесу от Кипарисово. Этот Валера был в некотором роде оригинал. Построил премиленький домик из белого кирпича, и зимой приходил много (чуть не 15 лет каждую субботу – встаю только, смотрю в окно, а прямо снизу метров в полтора белый дым столбиком (зимой-то большей частью с утра безветрие) – Валера уже здесь с первой электрички. Но печка-буржуйка стоит не в домике, а снаружи, поодаль, вверху участка, поближе к дровам, которых десятка полтора лет здесь было в изобилии от поваленных при расчистке дорог деревьев. Дымит печка, греет атмосферу, на ней кипит чайник. Воды много, во дворе колодец. – Поставь печку в дом, греться будешь. – Нельзя, стены потрескаются! – Дрова носились, пилились, кололись, опять носились, топились, конечно, не для обогрева жилища, а чтобы накопить золы для огорода – труд ни в коей мере не оправданный, но ставший для этого Валеры как бы ритуалом. Я мирился с таким чудачеством, потом, лет как 7, он построил рядом на участке сына уже деревянный добротный дом, с баней, и дымок из трубы уже не напрасно приветствовал меня субботними утрами чуть левее вниз. Но мало-помалу ближние дрова были повыжжены или по прошествии времени погнили – Валера стал попиливать деревья на пустующих участках. У нас продолжались весьма приятельские отношения, частенько он даже, когда бывала с ним подруга, хорошая женщина, работавшая в столовой, подзывал меня как

следует перекусить. Много взял он у меня глины (у него, хотя тут близко, такой нет) на штукатурку и печку. Но вот как-то возвращаюсь 2-го января, в субботу в сумерках с рыбалки (тогда еще увлекался вовсю), Рыжий исходит лаем в сторону леса вправо, потом слышу – падает дерево сваленное. Звук негромкий, но тихо, и слух мой на такое наметан. Идти туда сразу не было ни времени, ни какого-либо желания. Воскресенье, следующий день, был лежачий – то ли после рыбалки, то ли на погоду, на которую у меня с детства повышенная чувствительность. В понедельник вспомнил, пошел посмотреть что там пилили. Батюшки, да весь восточный склон в верхушках деревьев! Штук 20 в основном дубов и ясеней спилены, да не под корень, а с оставлением высоких пеньков, чтобы меньше нагибаться. Ровная, до разветвления кроны часть стволов отпилена и унесена, кроны остались! Да кто ж такой варвар?! Сначала подумал, что кто-то надумал рубить домик, но следы по хотя большому раннему снегу, почти стаявшему к январю, осталось только в тенях, в дорожных колеях, скоро вывели меня к Валериному дому, а там я увидел, для чего понадобились эти стволы: кололись пополам (дуб хорошо колетса, особенно сырой да мерзлый), и выкладывался для чего-то сруб, вскоре понял – для компостницы. Да компост можно ограничить пленкой, и ничем не надо, просто перелопатить не сгнившую внешнюю органику внутрь!..А что если весной придет лесник, претензии все ведь будут ко мне, близрасположенному. Ничего себе

друг! Друг-свинья, так сказать. Видно, забоялся Валера, что раз начались вольный лесоповал, то порубят все раньше его, надо спешить. Позднее общий наш приятель Леша – астролог и садовод, когда я рассказал ему о сем казусе, сказал: «Да, он пойдет пилить, он теперь на пенсии, а работы еще не нашел». ... В следующую субботу я уже знаю точно, когда явится Валера с пилой на мою сопку. Действительно, около 12 пришел, вижу, пилит на ребреце восточном, где относительная пологость склона переходит уже в крутизну перед вершинкой, до которой метров сорок. И без того крупное лицо его последнее время располнело, похож издали и полусидя на большую полуседую (а то был черноволос) обезьяну.

Вершинка эта господствует над Таежкой, служит хорошим ориентиром для пролетных гусей, которых видел бы весной-осенью чаще, если б раньше вставал. Однажды весной довелось увидеть припозднившихся гусей, летевших в предвечерней мгле совсем низко, с тревожными криками стая взмыла вверх, один гусь чуть не врезался в сопку. ... Под тем ребрецом слегка поднимается вверх едва заметная тропка, по которой года через два подчищаю лес, подтаскиваю по снегу сушняк на специально для того сделанных санках-нартах: вниз-то санки хорошо идут, можно до ста килограммов тащить. Раза три уже чистил восточный и северный склоны, как стал виден конец тем дровам, что спилил приблизительно на гектаре леса под своими участками и братьев-племянников – родни, что занимают втуне весь се-

ро-западный угол дачного массива. Сколько было тут дров! Сколько-то и погнило, не успел стопить, но вот виден уж и конец им, главное, работа с увесистой бензопилой «Уралом» стала последние годы тяжеловатой – обязательно сразу же что-нибудь в боку или пояснице потянешь, потом продолжаешь работать несколько дней преодолевая боль, пока не втянешься. То же и при колке слишком больших, чурок. И стал я подумывать последние год-два о покупке дров или хотя бы приглашении на их заготовку кого помоложе. Тем более что к возне с капризной, плохо заводящейся бензопилой, душа совсем не лежит: на ней более важные умственные обязательства всей жизни, еще с юности: есть такое до всех относящееся, чего никто не скажет, кроме_меня. Теперь это несомненно: не преувеличивал, а преуменьшал я всю жизнь свои возможности, думал, другие сделают – не сделали, – в нужное время, в нужном месте не нашлось вовсе этих других! Так хоть сказать! А тут надо вникать в эту бензопилу, пугать ею тишину. Ну не лежит душа к этой шумной работенке, начиная с ее, бензопилы, заправки, не переношу и сам запах бензина. А тут лет пять назад вдруг перестала заводиться, пришлось тогда отставить ее, всю весеннюю заготовку произвести «дружкой-2», т. е. обыкновенной двуручной пилой, снабженной неким простым и вообще-то хорошо известным, да мало кто додумается, и я не сам, сказали, приспособлением, так что можно пилить одному в любом наклоне, а некоторый вес приспособления (две круглые палочки

в ушки пилы, поперечина между ними примерно посредине от тыльной кромки пилы, концы палочек стянуты бечевкой, которую закручиваешь плоской небольшой палочкой) создает достаточное давление, возмещая партнера на другом конце: с таким приспособлением много деревьев можно напилить, за час бревешек 40 напилить, – на охотничью избушку, 13 их всякого размера осталось за 11 лет работы в тайге штатным охотником. Да уж прошлым годом было 20 лет, как рассчитался с госпромхозом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.